

Макроэкономика

Когда мировой кризис разразится, Россия в стороне не останется

—>
с.56

текст:

Сергей В. Смирнов,
кандидат экономических наук, заместитель директора Института «Центр развития» НИУ ВШЭ

Тревожные сигналы приходят отовсюду. В США принимается очередной пакет стимулирующих мер (а значит, есть в нем нужда? Да и достаточно ли его, ведь все традиционные инструменты денежных властей уже выработали свой ресурс?). В Европе — все ближе дефолт Греции по государственным облигациям, все больше разговоров о распаде еврозоны. В Китае — замедление темпов.

Reuters

Когда мировой кризис разразится, Россия в стороне не останется

с.53

Международные агентства снижают суверенные рейтинги флагманов

мировой экономики: США, Японии, Италии. С начала августа, то есть меньше чем за два месяца, рубль обесценился по отношению к доллару на 16%, фондовый индекс РТС упал почти на 30%. Значит ли это, что вторая волна кризиса, бушевавшего в 2008–2009 годах, уже захлестывает мировую и российскую экономику? Неизбежна ли повторная рецессия?

Ответить на этот вопрос не так легко, как может показаться. Экономика отдельной страны — и тем более, мировая экономика — представляет собой чрезвычайно сложную систему с множеством разнонаправленных процессов и связей, к тому же открытую внешнему миру. Поэтому какие-то показатели в ней всегда растут, а другие — одновременно с этим — падают. Само по себе это не может считаться признаком какого-то кризисного ее состояния. Говорить о рецессии имеет смысл лишь тогда, когда ухудшение экономической ситуации происходит по значительному числу параметров, является заметным по своей величине и продолжается достаточно долго.

Хотя существует несколько конкурирующих теорий бизнес-цикла, претендующих на понимание механизма его формирования (впрочем, ни одна из них не смогла не только предсказать, но даже объяснить в своих терминах кризис 2008–2009 годов), на практике обычно пользуются классической формулировкой

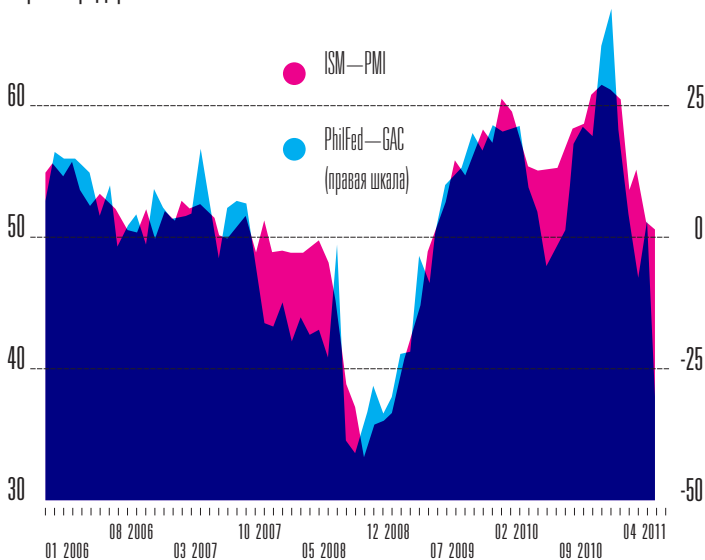
Артура Бернса и Весли Митчелла, предложенной ими еще в 1946 году. Не претендуя на понимание механизма цикла, но опираясь на огромный фактический материал, они описали внешние симптомы бизнес-цикла. С практической точки зрения, наибольшее значение имеют следующие аспекты их определения: во-первых, связь бизнес-цикла с уровнем экономической активности (с тех пор динамику индикаторов экономической активности стали напрямую соотносить с бизнес-циклом); во-вторых, всеобщий, а не локальный, характер циклических колебаний; в-третьих, отсутствие явной периодичности этих колебаний. Последнее следует подчеркнуть особо: во многих других контекстах цикличность подразумевает периодичность, нередко эти два понятия являются полностью синонимичными; в контексте бизнес-циклов

цикличность подразумевает повторяющееся чередование фаз, но без строгой их периодичности.

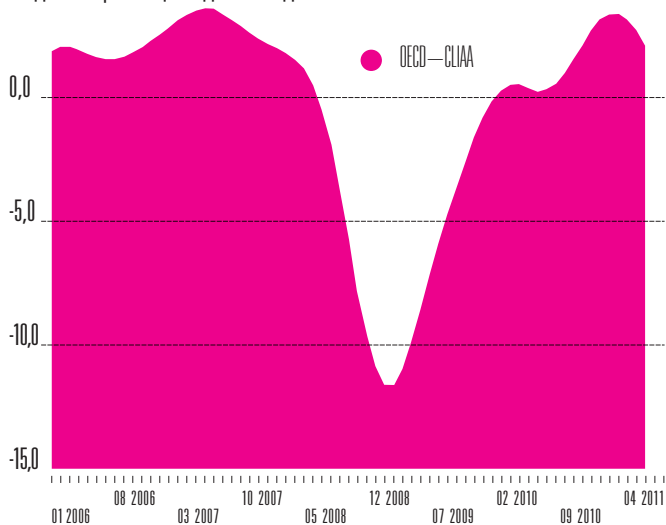
После того как введено «технологичное» понятие бизнес-цикла, возникает вопрос: на какой статистический индикатор следует ориентироваться? ВВП можно считать почти идеальным индикатором, поскольку он дает вполне адекватное представление об уровне экономической активности во всей экономике в целом, но только в ретроспективе. Для отслеживания траектории бизнес-цикла в реальном времени он не подходит просто потому, что первые его оценки публикуются спустя полтора-два месяца после окончания календарного квартала. Получается, что ВВП может дать первый сигнал о вхождении в рецессию с задержкой до пяти месяцев. Для современной экономической жизни, которая нередко требует принятия решений в течение дней или даже часов, это неприемлемо много.

Между тем, на практике ощущается острая нужда в простой и оперативной интегральной оценке экономической конъюнктуры. Поскольку состояние конъюнктуры непосредственно измерить нельзя, остается другой путь — построение

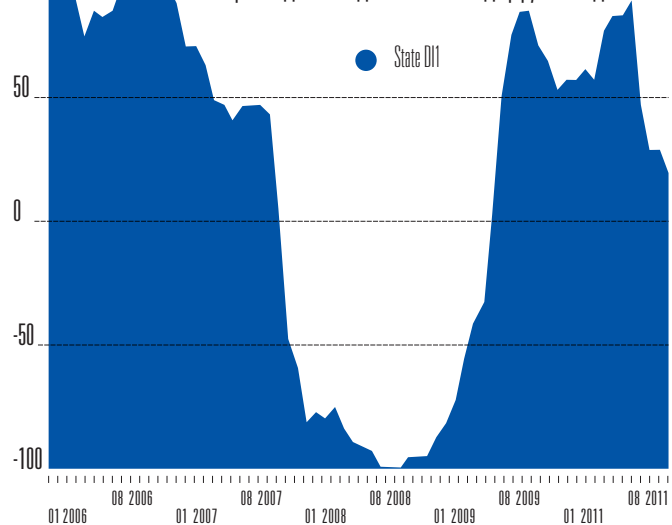
Опросы предпринимателей США

Сводный опережающий индекс ОЭСР для США

Рост производства в отдельных штатах: диффузный индекс

некоего сводного индекса, который учитывает важнейшие характеристики текущей экономической ситуации и помогает, сводя воедино разнородные явления, выявить целостную картину происходящих процессов. В каком-то смысле такой индекс можно уподобить интегральной оценке «экономического здоровья» (физическое здоровье ведь тоже нельзя непосредственно измерить, но можно охарактеризовать набором показателей: температурой, давлением, содержанием эритроцитов в крови и т.п.).

Если бы такие легко наблюдаемые индикаторы товарных и финансовых рынков, как нефтяные цены, процентные ставки, фондовые индексы, рисовали адекватную картину бизнес-цикла, все было бы просто. Однако давно известно, что эти показатели дают множество ложных сигналов: за их падениями и взлетами далеко не всегда следуют падения и взлеты объемов производства товаров и услуг. До сих пор популярна давняя (середины 1960-х) шутка Пола Самуэльсона, нобелевского лауреата 1970 года: «Фондовый рынок предсказал девять рецессий из последних пяти». Действительно, показатели финансового сектора гораздо более волатильны, чем показатели реального (связанного с производством) сектора, поэтому полагаться только на них при мониторинге бизнес-цикла нельзя.

К настоящему времени получили распространение четыре основных подхода к построению интегральных показателей экономической конъюнктуры.

Во-первых, рассчитываются индикаторы на основе опросов предпринимателей.

Бизнес-циклы: определение

Бизнес-циклы представляют собой тип колебаний, который обнаруживается в экономической активности наций, опирающихся на предпринимательство. Цикл состоит из фазы роста, наблюдаемого примерно в одно время во многих секторах экономики, и последующих столь же всеобщих фаз рецессии, спада и оживления, последняя из которых перерастает в фазу роста следующего цикла. Эта последовательность фаз повторяется, но не имеет четкой периодичности; продолжительность бизнес-циклов варьируется от года до десяти-двенадцати лет. Их нельзя разделить на более короткие циклы такого же типа с близкой к ним амплитудой колебаний.
A. Burns and W. Mitchell. Measuring Business Cycles. 1946

Главное преимущество показателей этого типа — их оперативность. Нередко они публикуются в первый рабочий день месяца, следующего за отчетным, когда никаких других статистических данных по реальному сектору еще нет. Но при этом опросные индикаторы — так же, как финансовые — чрезмерно волатильны: их изменения отнюдь не всегда сопровождаются движением макропоказателей.

Во-вторых, оцениваются агрегатные синхронные индексы, представляющие собой арифметическое среднее нескольких наиболее важных для бизнес-цикла индикаторов. Для США синхронный индекс имеет четыре компонента: индекс физического производства промышленной продукции; число занятых в несельскохозяйственном секторе; доходы населения, исключая трансфертные платежи; продажи обрабатывающей промышленности и торговли (два последних показателя — в сопоставимых ценах). Для России это может быть индекс так называемых базовых видов деятельности, в число которых входит сельское хозяйство, промышленность, строительство, транспорт, розничная и оптовая торговля. Преимуществом этого подхода является доступность данных в ежемесячном режиме, а недостатком — разнонаправленность движения разных компонентов, рисующих достаточно пеструю, а нередко и противоречивую картину. В этих случаях агрегирование компонентов в один индекс носит достаточно формальный характер, не позволяя с уверенностью делать вывод о переходе от одной фазы бизнес-цикла к другой.

В-третьих, на основе всех доступных временных рядов (их число доходит до 70–80 и более) с помощью статистического метода главных компонентов выделяется так называемый скрытый общий фактор, который интерпретируется как показатель общеэкономической активности или бизнес-цикла. Подобные показатели стали рассчитывать с начала 2000-х годов; до этого они были слишком сложны с вычислительной точки зрения. Преимуществом данного подхода является то, что он учитывает практически всю имеющуюся статистическую информацию, а недостатком — то, что оценки последних точек (которые как раз и представляют наибольший интерес в реальном времени) являются недостаточно надежными и впоследствии могут быть серьезно пересмотрены.

В-четвертых, на основе использования специальных математических фильтров из нескольких статистических рядов выделяется полезный сигнал, позволяющий оценить вероятность того, что национальная экономика уже вошла в состояние рецессии. Для США подобные расчеты пока делаются в экспериментальном режиме; в России их даже не пытались реализовать.

Особенно большие проблемы на практике возникают на переломе двух тенденций: при повороте от подъема к спаду или от спада к подъему, когда в реальном времени не так-то просто отследить состояние экономики и правильно оценить направление экономической динамики. Поэтому наряду с синхронными индикаторами чрезвычайно широкое распространение получили так называемые опережающие

индикаторы, призванные заранее сигнализировать о приближении перелома конъюнктуры за счет того, что у них поворотные точки наступают раньше, чем у экономики в целом.

О чем же говорят все эти индикаторы на данный момент? Для США ответ действительно получается довольно тревожным. В частности:

начиная с февраля, почти непрерывно снижается известный показатель PMI. В августе его значение упало до 50,6%, что уже совсем немного превышает считающийся критическим 50%-ный уровень;

снижается диффузный индекс экономической активности, опирающийся на статистику по 50 отдельным штатам. В августе он опустился до 18 (из 50 штатов индекс активности вырос в 26, снизился в 17, остался неизменным в 7);

рассчитанный методом главных компонентов индекс национальной экономической активности (Chicago Fed National Activity Index), обобщающий динамику 85 важнейших макроэкономических индикаторов, снизился в июле до -0,3 (значение -0,7 считается признаком начала рецессии);

с мая 2011 года стал сокращаться сводный опережающий индекс (CLI), сконструированный ОЭСР; до сих пор это интерпретировалось как замедление роста, но легко может перерасти в сокращение экономической активности.

В принципе, этого уже достаточно для того, чтобы говорить о приближении в США новой волны спада. Однако, как показывают специальные исследования, профессиональные прогнозисты крайне неохотно признают начало рецессии. Причины для этого, пре-

жде всего, психологические: либо эксперты до конца надеются (ведь они тоже люди, им тоже хочется верить в лучшее), либо они просто не хотят быть горевестниками, предпочитая, чтобы их голос затерялся в хоре более оптимистичных коллег. Поэтому пока в США больше говорят об увеличении рисков рецессии, но не о ее неизбежности.

Для России картина до сих пор выглядела несколько более благополучно, хотя и здесь заметна определенная тенденция к замедлению роста сводного опережающего индекса, а значит, и экономики в целом.

Впрочем, сейчас это говорит только об одном: внутренних предпосылок к немедленному развертыванию кризиса в России нет. Однако кризис, эпицентр которого будет находиться в США или в Западной Европе, не обойдет нашу страну стороной. Можно поручиться, что Россия — с ее неблагоприятным инвестиционным климатом — наверняка не станет тихой гаванью для капиталов, которые будут повсеместно выводиться из рискованных активов. Напротив, российская экономика, скорее всего, — как это было в 2008–2009 годах, — пострадает сильнее, чем большинство других крупных экономик мира.

Перечислим основные факторы циклической уязвимости российской экономики и посмотрим, какие риски возникнут в России в случае новой волны спада в мировой экономике.

Падение мирового спроса на сырье. Во время кризиса 2008–2009 годов сырьевая ориентация способствовала стабилизации нашей экономики, поскольку мировой спрос на сырье сократился наименее

Компоненты сводного опережающего индекса, разработанного Центром развития ВШЭ

* по опросам Института Гайдара

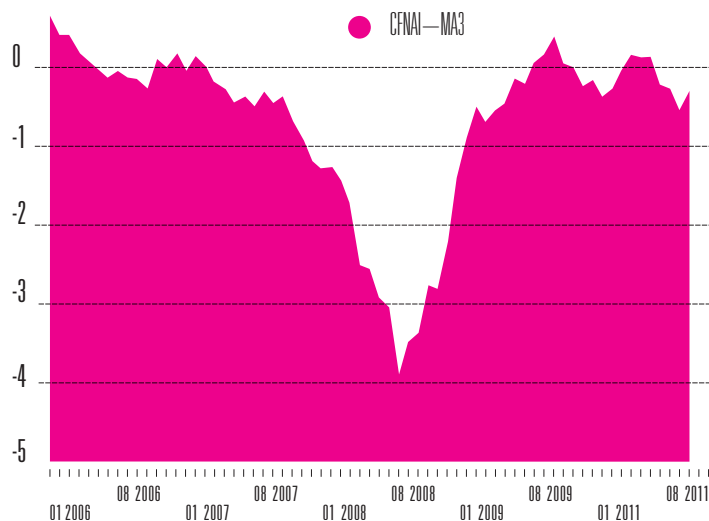
1 Среднемесячная цена нефти Urals, долл./барр.

2 Доля предприятий с выросшим или неизменным спросом, %*

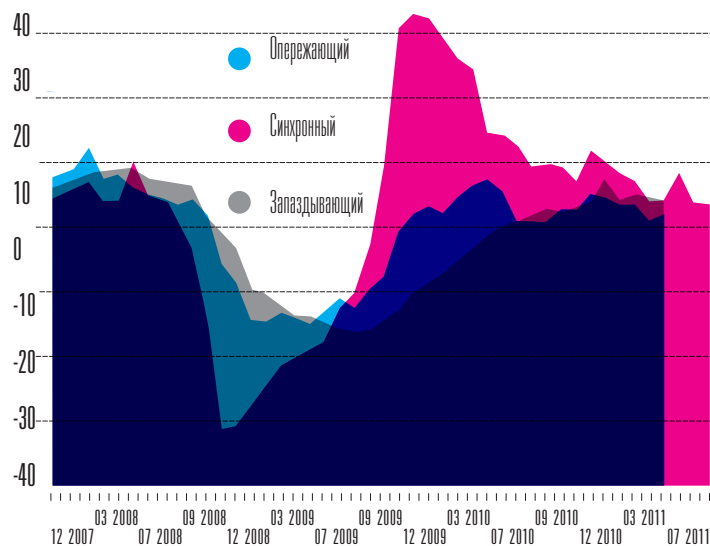
3 Доля предприятий без избыточных запасов готовой продукции, %*

Национальный индекс экономической активности (ФРБ Чикаго)

Циклические индикаторы Центра развития

сильно (гораздо сильнее в ходе того кризиса пострадало машиностроение). Сейчас российский экспорт нефти не так уж сильно уступает своим историческим максимумам, поэтому в случае нового спада в мировой экономике мировой спрос на российские товары и услуги вполне может снизиться на 3–4%;

Падение внутреннего потребительского спроса. Потребительский спрос, который в развитых странах является главным фактором стабильности, в России оказался чрезвычайно волатильным. Конечно, это во многом связано с «перегревом» потребительского кредитования в докризисные времена. Однако нынешний уровень потребления тоже может оказаться завышенным, поскольку рост доходов населения в 2008–2010 годах искусственно стимулировался за счет увеличения бюджетных расходов. Потенциал повышения заработной платы и пенсий за счет бюджетных выплат исчерпан. Поэтому в случае заминки, которая может оказаться достаточно

чувствительной для бюджетного и экспортно-ориентированного сектора, доходы населения — а с ними и потребительские расходы — могут снизиться на 1–2%;

Падение инвестиционных расходов. Инвестиции снижаются при всякой сколько-нибудь заметной пробуксовке. При отсутствии кредитования их объем вполне может уменьшиться на 5–6%;

Государственные расходы. Их наращивание было одним из основных антикризисных инструментов российского правительства. Однако теперь ситуация уже не такая, какой она была в конце 2008 года. С нынешним уровнем резервного фонда особенно надеяться на рост государственных расходов за его счет не приходится. Скорее, оно может снизиться на 1–2%;

Сокращение запасов. Распродажа запасов может стать — наряду с резким торможением потребительского спроса — важнейшим фактором падения производства, которое по этой причине может оказаться не-

пропорционально большим в сравнении с падением спроса. В 2011 году накопление запасов, осуществляемое с расчетом на последующий рост спроса, было основным фактором роста российского ВВП. Теперь, если ожидания предпринимателей переменятся к худшему, придется приводить уровень запасов в соответствие с сократившимся спросом. За счет уменьшения запасов ВВП вполне может сократиться на 3–4 процентных пункта;

Сокращение объемов импорта. Как показывает опыт, в России импорт во время кризиса снижается гораздо сильнее, чем спрос на отечественную продукцию, и это может оказаться самым важным фактором, способствующим стабилизации ВВП. В результате, итоговое падение ВВП может оказаться небольшим (2–4%), но оно все-таки произойдет — и это станет довольно ощутимым для населения, поскольку будет сопровождаться снижением доходов и ухудшением ситуации на рынке труда.

Н—а

4 Денежный агрегат М2

5 Индекс реального эффективного курса рубля

6 Фондовый индекс РТС

7 Ставка по однодневным МБК (в среднем за месяц)